

Светлана Аверкина*

Московский педагогический государственный университет, Россия
Кафедра всемирной литературы
averkina.svetlanalunn@mail.ru

УДК 821.112.2.09(436)"19/20"
<https://doi.org/10.18485/slavistika.2026.30.1.16>

Оригинални научни рад
примљен 18.5.2026.
прихваћен за штампу 5.7.2026.

К ПОЭТИКЕ ПЕРИФЕРИИ: «КАРИНТИЙСКИЙ ТЕКСТ» ПЕТЕРА ХАНДКЕ КАК ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НАРРАТИВА ЦЕНТРА

Данное исследование направлено на выявление особенностей поэтики автобиографической и автобиографически маркированной прозы Хандке. Цель работы – показать, каким образом Каринтия и каринтийские ландшафты формируют особый тип «периферийного» письма, в котором переосмысливается традиционная оппозиция центра и окраины и вырабатывается альтернативная модель культурной и экзистенциальной идентичности. Методологическую основу работы составляют принципы пространственной поэтики, нарратологии, а также элементы имагологии и культурной географии; теоретически исследование опирается на концепции литературного пространства, пограничности и идентичности. Материалом анализа служат повесть «Нет желаний – нет счастья», тетралогия «Медленное возвращение», роман «Повторение». В статье доказывается, что категория периферийности у Хандке выступает не как признак маргинальности, а как поэтологический принцип: каринтийское пространство предстает зоной пограничья, где формируется «пограничный человек», способный к иной, нецентрированной оптике восприятия мира. География Каринтии – ее горные ландшафты, языковая многослойность и историческая неоднородность – становится основой для создания утопического образа «иной страны», в которой язык, память и пространство образуют единую смысловую ткань. В этом контексте «каринтийский текст» раскрывается как форма сопротивления замкнутым моделям идентичности и как способ преодоления «национального эгоизма». В заключение делается вывод, что поэтика периферии у Хандке соотносится с гуманистическим проектом «вечного мира», артикулированным писателем в его Нобелевской речи, и предлагает модель культурного сообщества, ориентированную на диалог, открытость и сохранение человеческого измерения в современном обществе.

Ключевые слова: Петер Хандке, автобиографическая проза, «каринтийский текст», поэтика периферии, периферийность, нарратив центра, пограничье, утопическая антропология, концепт «вечного мира».

This study aims to identify the distinctive features of the poetics of Peter Handke's autobiographical and autobiographically marked prose. The objective is to demonstrate how Carinthia and its landscapes shape a specific mode of "peripheral" writing in which the traditional opposition between center and periphery is reinterpreted and an alternative model of cultural and existential identity is developed. The methodological framework is based on the principles of spatial poetics and narratology, as well as elements of imagology

* <https://orcid.org/0009-0008-8922-679X>

and cultural geography; theoretically, the study draws on the concepts of literary space, liminality, and identity. The material under analysis includes the novella *A Sorrow Beyond Dreams*, trilogy *Slow Homecoming* and the novel *Repetition*. The article argues that the category of peripherality in Handke's work functions not as a marker of marginality but as a poetological principle: the Carinthian space emerges as a border zone in which a "liminal subject" is formed, capable of an alternative, decentered perception of the world. The geography of Carinthia – its mountainous landscapes, linguistic stratification, and historical heterogeneity – becomes the foundation for constructing a utopian image of an "other country," where language, memory, and space form a unified semantic fabric. In this context, the "Carinthian text" is revealed as a form of resistance to closed models of identity and as a means of overcoming "national egoism". The conclusion suggests that Handke's poetics of the periphery correlates with the humanistic project of "perpetual peace," articulated in his Nobel lecture, and offers a model of cultural imagination oriented toward dialogue, openness, and the preservation of the human dimension in the contemporary world.

Keywords: Peter Handke, autobiographical prose, "Carinthian text," poetics of the periphery, peripherality, narrative of the center, borderland, utopian anthropology, concept of "perpetual peace."

В творчестве Петер Хандке (р. 1942) периферия является одновременно географической и ментальной категорией, в значительной степени определившей его эстетические взгляды. Описывая «пространства окраин» – небольшие города, пограничные территории, дороги, деревни, – он стремится доказать, что они способны стать местом, где человеку дано обрести «внутренние координаты» (Kastberger 2009: 143–156).

Исходной точкой «поэтики периферии» служит в автобиографических произведениях Хандке Каринтия – «милая Корушка» – пограничный регион, связанный с детскими воспоминаниями автора и судьбой словенского меньшинства, проживающего в нем. Однако Каринтия у Хандке не редуцируется до биографического «места происхождения»; она становится тем, что П. Нора определяет как *lieu de mémoire* – пространством, в котором память не просто сохраняется, но постоянно актуализируется и перерабатывается, становясь резервуаром «незавершенного» опыта (Nora 1996).

В данной системе представлений особое значение приобретает пространство вокруг городка Гриффен – родины писателя, выступающего своеобразной «картой ранних впечатлений», через призму которого герои впоследствии воспринимают все другие пространства (Höller 2006: 17–40). Вокруг Гриффена, символической «матрицы мира», выстраивается целая сеть небольших каринтийских городов, которые в прозе Хандке образуют ближайший круг памяти. Среди них – Блайбург/Плиберк, Фёлькермаркт/Великовец, Клагенфурт/Целовец, предельно точно изображенные автором в

романе «Повторение» и других текстах, посвященных воспоминаниям детства и юности.

Внимание к деталям, умение слышать многоголосие мира – часто неустроенного и разлаженного – глубинная музыкальность и склонность Хандке к языковым экспериментам определяют его узнаваемый стиль, сочетающий бунтарство, новаторство и известный традиционализм: в его произведениях легко читаются аллюзии на классиков австрийской литературы А. Штифтера и Фр. Грильпарцера, младших современников – Х. фон Додерера, И. Бахмана и Б. Фришмута (Hamm 2017).

С «лингвистической изобретательностью» Хандке исследует периферийность как «специфический человеческий опыт», позволяющий показать жизнь в ее многообразии (Handke 2019). Он принимает позицию наблюдателя, описывая мир, как бы, «со стороны». В этой писательской стратегии выражается не пассивность или слабость автора, а, скорее – проявление независимости. «Право наблюдать – привилегия свободного субъекта восприятия», независимого от диктата магистральных нарративов истории и социума, – утверждает Хандке в одном из своих ранних интервью (Schlueter 1979).

По мнению Р.-Г. Реннера, благодаря избранной Хандке повествовательной перспективе, его герой, сопротивляющийся любому окончательно определению, существует «на краю структуры смысла» (Renner 1985: 8). Это выражается, в первую очередь, в отсутствии какого-либо ясного хода действия, который можно было бы линейно передать. В прозе Хандке, и особенно в его драматургии, паузы, умолчания, жесты как выражение доязыкового сознания играют не менее важную роль, чем монологи, а музыкальные эпиграфы и аллюзии на современные композиции нередко более точно характеризуют персонажей, чем прямые авторские характеристики.

Эти черты находят выражение уже в первой автобиографической повести писателя «Нет желаний – нет счастья» (*Wunschloses Unglück*, 1972), в которой он открыто говорит о самоубийстве матери, анализирует глубинные причины этого поступка, связывая их, во многом, с опытом жизни в глухой провинции, небольшом городке Гриффен в Южной Австрии. Здесь судьба человека определяется не его склонностями или особенностями характера, а материальной необходимостью и вековыми предрассудками.

Гриффен как исходная точка автобиографического повествования в творчестве Хандке. Память о матери

Городок Гриффен в годы раннего детства Хандке (1940–1950-е гг.) представлял собой поселение, большая часть населения которого была занята сельским хозяйством и мелкой торговлей. Социальная жизнь этого бедного городка концентрировалась вокруг церкви, рынка, начальной шко-

лы и немногочисленных административных построек. Ощущение узости, замкнутости и запустения на долгие годы определило восприятие Хандке, единственного ребенка в Гриффене, получившего систематическое образование. Особенностью региона было сосуществование на одной территории немецкоязычного и словенского населения, что приводило к напряженному противостоянию между «коренными» австрийцами и каринтийскими словенцами как национальным меньшинством.

По воспоминаниям Хандке, жители Гриффена десятилетиями существовали в условиях крайней нужды: «нужда такая, что все приходилось делать вручную» (Handke 1972: 47).¹ Послевоенный быт оставался скудным и почти архаичным, напоминая, по словам автора, времена «крепостничества» – старая утварь, отсутствие техники (Handke 1972: 8). В этой связи исследователи справедливо отмечают, что невозможно понять судьбу матери Хандке, не осознав, насколько она была «заквашена на бедности – вековой, традиционной – и на упрямой крестьянской привычке копить про черный день, копить слепо и покорно, даже посреди катастроф рушащегося старого мира» (Затонский 1980: 12).

Копили ради краткого «чувства освобождения», поскольку даже незначительная «собственность представлялась материальным воплощением этого состояния» – «свобода хоть чем-то обладать» (Handke, 1972: 9).

По свидетельству Хандке, его мать Мария Сивец (1920–1971), всю свою жизнь испытывала жестокую необходимость ограничивать себя во всем – в тратах, в еде, в желаниях. Именно ощущение экзистенциальной загнанности, по мысли Хандке, привело ее к решению хотя бы смерть выбрать по собственной воле, что объясняет употребление в повести «Нет желаний – нет счастья» слова *Freitod* – «свободная (добровольная) смерть» (Handke 1972: 6), а не привычного *Selbstmord*.

Биография Марии воспроизводит типичный для каринтийской провинции сценарий: ранний побег из дома, попытка обрести самостоятельность, краткий период городской жизни, возвращение и смирение.

Период работы в отеле запоминается ей как время освобождения, открытости миру: «туфли на каблуках», «дешевые клипсы», «танцы не прекращали все ночи напролет» – и «никакой усталости» (Handke 1972: 14). Однако беременность, неосуществившийся брак с отцом Хандке, немцем, и последующий союз с унтер-офицером определили дальнейшую траекторию ее жизни: переезд в Берлин, годы изоляции, необходимость «привыкать к новому диалекту», трансформирующие «деревенскую серую мышку» в типичную горожанку 1940-х годов – «высокую, стройную, темноволосую» (Handke 1972: 29, 37).

¹ Здесь и далее перевод мой – С. А.

С началом войны жизненное пространство вновь сужается: муж призван на фронт, Мария возвращается на Родину, а послевоенные годы воспринимаются как «серое пятно», охватывающее все ее существование (Handke 1972: 31). Повторное возвращение в Гриффен переживается как окончательное изгнание, как приговор: она осознает, что покинуть это пространство уже не удастся, что ей придется отказаться от своей сущности, стать как все (Handke 1972: 47).

В провинциальной среде выживание оказывается возможным лишь при отказе от индивидуальности: сфера личного воспринимается как постыдная и подлежащая сокрытию (Павлова 1978: 270–271). Хандке вспоминает испытываемое им чувство стыда (*Scham*), когда мать проявляла естественные телесные потребности или открыто выражала эмоции, например, смеялась (Handke 1972: 28). Между тем именно смех сохраняется как последнее проявление жизнерадостности, органически присущее ее характеру: от природы она была «любопытной, шаловливой девчонкой», любившей игры и стремившейся к радости (Handke 1972: 39).

С возрастом физическое состояние Марии стремительно ухудшалось: ее мучили ужасные головные боли, упадок сил, депрессия. Поездка на море принесла кратковременное облегчение и одновременно абсолютное понимание невозможности продолжать жить.

История Марии Сивец-Хандке предстает как движение по замкнутому кругу – череда попыток выхода и неизбежных возвращений. Гриффен стал для нее «промежуточной станцией», с которой невозможно уехать.

Показательно, что уже в названии повести реализуется принципиальная для Хандке языковая операция: инверсия устойчивого выражения *unerwünschtes Glück* посредством замены одной морфемы (*Glück* – *Unglück*). Тем самым несчастье героини в его интерпретации оказывается непосредственно связанным с утратой способности желать, характерной для целого поколения австрийских женщин из глубинки.

В этом смысле Гриффен функционирует не просто как биографическое место, но как исходная точка формирования «пограничного сознания», которое получает дальнейшее развитие в трилогии «Медленное возвращение» (*Langsame Heimkehr*, 1979) и в романе «Повторение» (*Die Wiederholung*, 1986), где феномен периферийности приобретает статус центрального эпистемологического и художественного принципа.

«Пограничный человек» Хандке в контексте «мифа о Югославии»

В романе «Повторение» мотив утраты желаний, заданный в повести «Нет желаний – нет счастья», трансформируется в динамическую модель поиска. Движение героя по провинциальной Словении в поисках пропав-

шего во время войны брата оказывается глубоким погружением в дорациональный слой знания, где еще возможна нерасчлененная целостность мира.

Путь Филиппа Кобаля может быть описан, в терминах В. Тёрнера, как «лиминальный процесс»: субъект утрачивает прежние идентичности и существует в состоянии «между» (Turner 1969). Однако в отличие от классической модели, где лиминальность является переходной фазой, у Хандке она приобретает затяжной, почти онтологический характер. Пограничность становится не этапом, а формой существования. Именно здесь возникает фигура «пограничного человека» – субъекта, лишённого устойчивой принадлежности и вынужденного конституировать себя в пространстве разрыва.

Филипп Кобаль, *alter ego* автора, проходит «путь социальной мобильности, сопровождающийся утратой укорененности» (Herwig 2012: 87). Полученное образование не интегрирует его в «центр», но, напротив, усиливает отчуждение: интернат и гимназия формируют опыт дисциплинарного давления и социальной враждебности. Ситуация длительного сокрытия собственного происхождения закрепляет состояние внутренней раздвоенности. Немецкое и словенское начала не синтезируются, а сосуществуют в режиме напряженного сосуществования. Его самоощущение формулируется через парадокс движения: «лишь в пути – я дома», «всегда в дороге – ни присесть, ни остаться» (Handke 1986: 56–57). Пограничность из биографического факта превращается в экзистенциальную структуру.

Именно эта внутренняя разорванность определяет направление поиска. Поездка в югославское пространство – в Есенице – становится не случайным маршрутом, но попыткой преодолеть внутреннюю границу. Пересечение Дравы приобретает символическое значение рубежа: герой вступает в пространство, где привычные культурные и перцептивные коды перестают действовать. Изменение визуального режима – от «четкости» австрийской стороны к «серости» словенской – фиксирует не упадок, а переход к иному типу видения, в котором сгущается историческое и коллективное время (Handke 1986: 8–9).

Парадоксальным образом именно в этом «ином» пространстве герой впервые переживает чувство истинной принадлежности: «дети были детьми, пары – парами <...> и я принадлежал к этому народу» (Handke 1986: 15). Это переживание принципиально: оно возникает не в центре, а на периферии, не в зоне нормативной идентичности, а в пространстве размытых границ. Тем самым Хандке переосмысливает саму логику принадлежности: подлинная общность оказывается возможной лишь вне жестко фиксированных идентификационных структур.

Дальнейшее движение героя углубляет эту логику. Пограничные пространства – дороги, вокзалы, поезда – функционируют как «гетеротопии» (М. Foucault), где разрушаются привычные социальные коды (Foucault

1997: 330–336). Одновременно они сближаются с «*не*-местами» (M. Augé) – зонами транзита и отсутствия идентичности (Augé 1992). Однако у Хандке эти пространства обретают противоположную функцию: именно в них происходит кристаллизация памяти и формирование субъективной связности. Путешествие постепенно смещается из внешнего во внутреннее измерение: поиск брата оказывается лишь внешним импульсом для поиска утраченного единства.

Кульминацией этого процесса становится образ «Девятой страны» (*Das neunte Land*) – мифологического пространства, существующего за пределами эмпирической реальности (Handke 1986: 109). Эта «страна» представляет собой проекцию желаемой целостности, в которой снимаются противоречия между языком, памятью и идентичностью. Из ситуации пограничности рождается утопическое воображение – стремление к пространству, где разорванность могла бы быть преодолена.

Именно на этом этапе формируется переход к «югославскому мифу» в творчестве Хандке. Это более сложное явление, требующее отдельного рассмотрения. Но некоторые его аспекты напрямую связаны с «каринтийским текстом» писателя.

Югославия в художественных и публицистических произведениях Хандке постепенно утрачивает статус конкретной реальности и превращается в символическое пространство возможного единства. Она мыслится как зона сосуществования языков, культур и исторических слоев – как модель той самой «пограничной» целостности, которая недостижима в реальности, но необходима как горизонт смысла.

Эта мифологизация неразрывно связана с личными переживаниями автора и его художественной стратегией. В «Зимнем путешествии к рекам Дунай, Сава, Морава и Дрина, или Справедливость к Сербии» (*Eine winterliche Reise zu den Flüssen Donau, Sava, Morawa und Drina oder Gerechtigkeit für Serbien*, 1996) Хандке стремится противостоять редуктивным медиальным нарративам, предлагая взамен «медленное» видение, основанное на внимании к деталям и множественности голосов.

Его позиция, вызвавшая резкую критику, при более внимательном осмыслении может быть понята как продолжение той же логики: отказ от однозначности, стремление удержать сложность и противоречивость исторического процесса (Gladić 2019: 16; Stanišić 2019: 114–118; Соколова 2020: 198–208). В этом контексте «югославский миф» предстает не как идеализация конкретного распавшегося государства, а как проекция утраченной возможности – той формы сосуществования, в которой разделение не ведет к разрыву, а становится условием диалога (Müller-Funk 2006: 17–40). Пограничье мыслится как своего рода *third space* (E. Soja), объединяющее физическое, ментальное и культурное измерения (Soja 1996).

Таким образом, линия от раннего состояния разорванности – социального, языкового, семейного – до ностальгии по «идеальной стране» оказывается внутренне непрерывной. Пограничный субъект, лишенный устойчивой идентичности, не стремится вернуться к утраченной «норме», но создает ее в воображении. Югославия в этом смысле становится не объектом политики, а формой памяти и желания – утопическим ответом на вынужденную изоляцию. Именно здесь поэтика Хандке достигает своей предельной концентрации: периферия провоцирует зарождение смыслов, ностальгия противостоит упрощению.

Язык периферии как «пространство возможностей». Новая антропология Хандке

Логическим развитием данной проблематики становится стремление Хандке к радикальному переосмыслению категории национальной принадлежности и самой идеи национальной идентичности (Wallas 1993: 63–78).

Отправной точкой для подобной переоценки становится переживание исторической вины, связанной с австрийско-немецким прошлым XX века. Осмысление идентичности оказывается неотделимым от опыта причастности к травматической истории: в повести «Нет желаний – нет счастья» фиксируется энтузиазм, сопровождавший приезд Гитлера в Клагенфурт в 1938 году, тогда как послевоенная Австрия стремилась дистанцироваться от собственной ответственности (Handke 1972: 15). В результате субъект оказывается в состоянии «исторической бездомности» – невозможности органической принадлежности при сохраняющейся потребности в ней.

Это состояние получает художественную артикуляцию в «Истории для детей» (*Kindergeschichte*), второй части трилогии «Медленное возвращение»; Валентин Соргер говорит о себе и своем окружении как об «отпрысках преступников» (Wallas 1993: 64). Тем самым формируется особый тип идентичности – не укорененной, но рефлексивной, возникающей в пространстве дистанции по отношению к собственной истории.

Характерно, что данная модель распространяется и на иные культурные общности – еврейскую традицию, коренные народы Америки, исчезнувшие цивилизации. Их объединяет не столько этническая или историческая общность, сколько отсутствие собственной истории доминирования и особая роль языка как носителя памяти.

В «Медленном возвращении» наблюдение за индейцами Аляски переживается как встреча с альтернативной формой бытия, а в «Повторении» фигуры атабасков становятся символом сосредоточенного, внеисторического существования (Handke 1986: 178).

В этом контексте особенно показателен поворот к пространствам предельной периферии. В «Медленном возвращении домой» ощущение радикальной внеположности – север, пустота, отсутствие социальных связей – становится условием нового обретения «дома». Периферия здесь достигает предела и одновременно выполняет продуктивную функцию: только через разрыв с социально заданными формами идентичности субъект получает возможность выстроить собственное пространство смыслов (Handke 1979).

Аналогичным образом в последнем изданном романе Хандке «Воровка фруктов» (*Die Obstdiebin*, 2017) периферийность окончательно утрачивает локальную закреплённость: Север снова становится символом предельной удалённости от центра (Handke 2017).

Однако предельное обобщение эта линия получает в творчестве Хандке именно на уровне языка, где возможен ее временный синтез. Не случайно в текстах Хандке особое значение приобретают каринтийские топонимы с двойным и даже иногда тройным (на границе с Италией) именованием: *Svinška planina/Sauualpe; Kras/Karst/Caeso Plato* (Handke 2010). Удвоенные (утроенные) названия не просто фиксируют многоязычие региона, но визуализируют саму структуру пограничного сознания – сосуществование нескольких языковых и культурных систем без их окончательного слияния.

Вместе с тем Хандке стремится выйти за пределы каринтийской бинарности. В поздних текстах возникает идея своеобразного «иного» языка – не языка национальной принадлежности, но языка взаимопонимания, основанного на внимании, слушании и способности к называнию (Herwig 2012). Речь идет о том, что вслед за Хандке можно обозначить как *bergliche Sprache* – «горный язык», объединяющий «горные народы» вне зависимости от их исторических и политических различий (Handke 2010: 88). В этом языке преодолевается жесткая оппозиция «своего» и «чужого»: он возникает не как система, а как процесс – как акт именования мира, возвращающий вещам их первичную данность.

Тем самым язык у Хандке становится привилегированным пространством проявления периферийности – множественной, подвижной, нефиксированной идентичности. Периферия начинает существовать как поэтологический принцип: способ видеть, называть и удерживать мир в его сложности.

Таким образом, поиск идентичности предстает как движение от разорванности к условному синтезу, осуществляемому не в пространстве истории, но в пространстве языка. «Народ» здесь возникает не как данность, а как результат повествования, как эффект речи, способной соединить разрозненные элементы познания. Именно поэтому финальная инстанция поэтики Хандке – не география и не политика, а язык, в котором периферийность обретает свою наиболее полную и продуктивную форму.

Заключение

Анализ «каринтийского текста» Петера Хандке позволяет утверждать, что периферия выступает не частным мотивом, а принципом организации его поэтики. Она задает особый тип памяти, формирует «пограничного человека» и определяет способ письма, в котором память и язык образуют единую смысловую ткань.

Уже в повести «Нет желаний – нет счастья» личная история матери демонстрирует двойственность провинциального существования: с одной стороны, оно связано с замкнутостью и социальными ограничениями, с другой – не сводится к только негативным воспоминаниям. Провинция здесь не только место утраты, но и среда первичного укоренения, скрытой устойчивости и «малой» повседневной жизни. Однако для самого Хандке воспоминание о детстве и Каринтии оказывается переработкой травмы: ностальгическое, светлое начало сосуществует с болью, которая в дальнейшем преобразуется в поэтологический ресурс.

В последующих текстах периферийность получает концептуальное развитие: пограничье Каринтии становится устойчивой формой существования субъекта, а нарратив движения – способом «когнитивного картографирования» мира. При этом речь идет не о восстановлении целостной картины, а о признании ее множественности и незавершенности. Именно в этом контексте периферия превращается в продуктивное состояние, позволяющее выйти за пределы «центральных» моделей мышления.

Тем самым Хандке переосмысляет периферийность как активный принцип культурной политики: она становится формой сопротивления национальному эгоизму и основой альтернативной антропологической модели, ориентированной на открытость и диалог. В этом смысле «каринтийский текст» соотносится с гуманистическим проектом «вечного мира» (Хандке), где язык выступает полем встречи, а периферия – местом рождения нового, еще не закрепленного образа мира.

Цитированная литература:

- Затонский, Дмитрий В. Художественный мир Петера Хандке. Предисловие к изданию повестей. Москва: Прогресс, 1980, 5–19.
- [Zatonskiĭ, Dmitriĭ V. Khudozhestvennyĭ mir Petera Khandke. Predislovie k izdaniĭu povesteĭ. Moskva: Progress, 1980, 5–19]
- Павлова, Нина С. «Несчастливая жизнь без желаний». Иностранная литература 6, 1978: 270–273.
- [Pavlova, Nina S. «Neschastnaia zhizn' bez zhelanii». Inostrannaiâ literatura 6, 1978: 270–273]

Соколова, Елизавета В. «Лауреат Нобелевской премии по литературе 2019 г. Петер Хандке в зеркале немецкой прессы (обзор)». Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература 7, Литературоведение, 2020: 198–208.

[Sokolova, Elizaveta B. «Laureat Nobelevskoї premii po literature 2019 g. Peter Khandke v zerkale nemetskōi pressy (obzor)». *Sotsīal'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura* 7, *Literaturovedenie*, 2020: 198–208]

Foucault, Michel. *Of Other Spaces: Utopias and Heterotopias. Rethinking Architecture: A Reader in Cultural Theory*. Edited by Neil Leach. NYC: Routledge. 1997, 330–336.

Augé, Marc. *Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. Le Seuil, 1992.

Gladić, Mladen. “Handke reiste mit Luhmann im Gepäck“. *Der Freitag. Die Wochenzeitung* 44 (30.10.2019): 16.

Hamm, Peter. *Peter Handke und kein Ende. Stationen der Annäherung*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2017.

Herwig, Malte. *Meister der Dämmerung. Peter Handke. Eine Biografie*. Pantheon-Verlag, 2012.

Höller, Hans. *Peter Handke*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2006.

Müller-Funk, Wolfgang. “Polyphems Kinder. Kulturelle Irrfahrten zwischen Zentren und Peripherien“. [In:] E. Hars, W. Müller-Funk, U. Reber, C. Ruthner (Hrsg.). *Zentren, Peripherien und kollektive Identitäten in Österreich–Ungarn*. Wien: Narr–Francke–Attempto–Verlag, 2006, 17–40.

Kastberger, Klaus. *Freiheit des Schreibens – Ordnung der Schrift*. Wien: Zsolnay, 2009, 143–156.

Mann gegen Mann (Der Buchpreisträger Saša Stanišić wifrt dem Nobelpreisträger Peter Handke vor, den Völkermord auf Balkan relativiert zu haben). *Spiegel* 43, (19.10.2019): 114–118.

Nora, Pierre. *Les Lieux de mémoire* (Gallimard). In 3 Vol. Columbia University Press, 1996–1998.

Renner, Rolf–Günter. *Peter Handke*. Stuttgart: J. Metzler, 1985.

Schlueter, June. “An Interview with Peter Handke”. *Studies in 20th Century Literature* 4(1), Article 6, 1979. <https://doi.org/10.4148/2334-4415.1076>

Soja, Edward W. *Third Space: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Cambridge, Mass: Blackwell, 1996.

Turner, Victor. “Liminality and Communitas”. [In:] *The Ritual Process: Structure and Anti Structure*. Cornell University Press: Ithaca, 1969, 41–49.

Wallas, Arnim A. “Spiegel–Völker. Das Bild der Juden, Indianer und Slowenen als utopische Chiffre im Werk Peter Handkes“. *Acta Neophilologica* 26, 1993: 63–78.

Источники:

Handke, Peter. *Wunschloses Unglück*. Salzburg: Residenz Verlag, 1972.

-
- Handke, Peter. Langsame Heimkehr. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.
Handke, Peter. Die Wiederholung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
Handke, Peter. Eine winterliche Reise zu den Flüssen Donau, Sava, Morawa und Drina oder Gerechtigkeit für Serbien. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996.
Handke, Peter. Die Obstdiebin. Berlin: Suhrkamp, 2017.
Handke, Peter. Immer noch Sturm. Berlin: Suhrkamp, 2010.
Handke, Peter. Nobel Prize lecture, 2019. <<https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2019/handke/lecture/>

Светлана Аверкина

КА ПОЕТИЦИ ПЕРИФЕРИЈЕ: „ТЕКСТ КОРУШКЕ” ПЕТЕРА ХАНДКЕА КАО ПРЕОСМИШЉАВАЊЕ НАРАТИВА ЦЕНТРА

Резиме

У чланку се истражује „текст Корушке” Петера Хандкеа као посебан облик поезике периферије усмерене на преосмишљавање традиционалног наратива центра. Полазна тачка у раду је теза о томе да периферија у Хандкеовом стваралаштву не означава маргиналност, већ се јавља као продуктивни поетолошки принцип који одређује како структуру приповедања, тако и модел субјективности.

Почетна тачка анализе је Корушка, погранични регион повезан с пишчевом биографијом и историјом словеначке мањине. Посебну улогу игра градић Грифен као „матрица” раног искуства: управо преко њега јунаци доживљавају свет, а провинцијална средина јавља се истовремено и као место ограничења и скривеног смисаоног потенцијала.

Показује се да се већ у повести „Несрећа без жеља” појављује кључни Хандкеов модел „пограничне свести” која настаје из социјалне, језичке и егзистенцијалне испрекиданости. У наредним делима, пре свега у *Ѕиором ѿвбрајку кући* и *Понављању* тај модел добија концептуални развој: јунаци постоје у стању лимиалности, „на граници смисла”, избегавајући фиксирани идентитет и линеарну логику приповедања. Кретање кроз простор, путевима, преко граница, у „не-местима”, добија карактер когнитивне потраге усмерене на васпостављање изгубљене целовитости.

Посебна пажња посвећује се лику „пограничног човека” за кога периферност није етапа, већ устаљени облик постојања. У том контексту се анализира и Хандкеов „југословенски мит”, који се не тумачи као политич-

ки став, већ као утопијска пројекција простора у ком коегзистирају језици, културе и историјски процеси. Овде се периферија осмишљава као зона где је могућ алтернативни модел припадности заснован на отворености и дијалогу.

Најважнији закључак тиче се става о језику као привилегованом простору остваривања поетике периферије. Двојезичност топонима у Корушкој и идеја „трећег језика” сведоче о Хандкеовој тежњи да савлада строге националне и културне границе и створи модел идентитета као процеса, а не задате форме.

На тај начин Хандкеов „текст Корушке” тумачи се као форма супротстављања центристичким моделима мишљења и као начин формирања нове антропологије, усмерене на плурализам, покретљивост и незавршеност. Поетика периферије у његовом стваралаштву корелеватна је хуманистичком пројекту „вечног мира” и предлаже модел културне имажинације засноване на принципима дијалога, пажње и очувања људске димензије у савременом свету.

Кључне речи: Петер Хандке, аутобиографска проза, „текст Корушке”, поетика периферије, периферност, наратив центра, пограничје, утопијска антропологија, концепт „вечног мира”.